

О духовно-нравственных и политико-психологических аспектах фальсификации российской истории

Гостев А.А.

Институт психологии РАН, Москва

aagos06@rambler.ru

Заявленная в статье тема является важным аспектом изучения менталитета группового и индивидуального субъекта. Менталитет – это призма мировосприятия, регулятор поведения людей. Соотнося исследование менталитета с проблематикой социальных представлений (А.А. Гостев, 2007, 2008, 2012), подчеркнем значимость изучения исторической памяти народов, закономерностей влияния «историко-событийных записей» на осмысление человеком происходящего в мире. Необходимо изучать «мировоззренческую окраску», которую несут представления людей об исторических событиях. Сегодня в России на политические процессы влияют взаимодействующие менталитеты (В.И. Семенов, 2002), в частности: 1) «пост-советский»; 2) «прозападный» (светский и конфессиональный, например, христианско-инославный); 3) «секулярно-патриотический», (4) православный. Традиционное для «исторической России» православное мировосприятие определяет особенности «памяти русской души».

Психологическая наука должна отреагировать на то, что именно историческая память является одним из главных объектом произвольного и непроизвольного психоманипулятивного воздействия на внутренний мир человека, эффективным оружием в информационно-психологических войнах (С. Кара-Мурза, 2000). Термин «фальсификация» в исторической науке связан с преднамеренной трактовкой событий прошлого, источников, версий о них. С помощью новых трактовок мы видим активное «переписывание истории», порождающее коллективных и индивидуальных «зомби-манкуртов», которые не заметят конструирования «новой истории».

Искажение образа «истории государства российского» накапливалось с XVIII в. В начале XIX в. в России уже было представление о том, что она – зло, которое должно быть уничтожено. Историческая память в советский период получила новый сильный импульс искажений. С конца же 1980-х гг. она стала разрушаться еще более активно и целенаправленно. На вооружение была взята известная заморская идея о порочности российской истории в целом. В СМИ, научной, публицистической, художественной литературе, в декларациях политических течений, в кинофильмах и телесериалах создавались негативные представления о прошлом российской государственности, умалялось духовно-нравственное наследие страны, бестактно или ложно освещались исторические события, задавался хаос в их оценках, замалчивались и искаженно трактовались факты участия России в мировой истории, в частности, в качестве освободителя народов Европы, балканских стран, Грузии, Армении и др. Активно использовалось девальвирование символики прошлого страны – ведь именно национальные символы упорядочивают историческую память, указывают цели и опасности в сложных социально-политических обстоятельствах. «Научные авторитеты» («отформатированные» либеральным мировоззрением или проплаченные в качестве «пятой колоны»), ссылаясь на неопределенные источники, фальшивые или вырванные из контекста цитаты, прямые измышления и т.п., пересматривали прошлое, включая духовно-метафизические основания «исторической России». История страны делалась мозаичной. Мифом была объявлена, например, историческая преемственность Киевской Руси, Московского царства и Российской Империи. Фрагменты истории, не вписывающиеся в новую историческую картину, выбрасывались или обособлялись. В «переписывании истории» и до сегодняшнего дня участвуют отечественные «борцы за историческую правду». Поскольку же представления людей об «исторической России» не должны быть «записками иностранцев» от имени российских авторов, в поиск путей возвращения к

исторической истине и изучения субъективной компоненты формирования образа истории должна включиться психологическая наука.

Российская история – история православной державы. Поэтому борьба с «переписыванием истории» не может обойтись без опоры на связку научного и православного мировоззрения, дающего метаисторический «надвременный» взгляд на мировую историю – борьбу вселенского православного царства с апостасийным миром и создание вселенского порядка на основе нравственных ценностей «восстановления мира во Христе». Остановимся на некоторых теоретико-методологических проблемах изучения образов фальсификации истории, которая видна с позиции исторической науки и православного мировоззрения (Научный православный взгляд на ложные исторические учения, 2011).

1. Движение к исторической правде и борьба с ее фальсификацией должны исходить из тезиса о том, что невозможно охватить все многообразие явных и неявных исторических реалий. Но изучение искажений исторической памяти должно охватывать максимально возможные формы подобных образов у людей. Например, «переписывание истории» может происходить на основе искреннего, научно-честного заблуждения, некомпетентности, непонимания того, что некорректно к оценкам исторических фактов (исторических деятелей) прилагать современные представления без должного анализа (с позиций нейтрального эксперта). Надо также осознавать, что переинтерпретация устоявшихся исторических версий может являться инструментом идеологического противоборства, культурной гегемонии, социально-политического проектирования. Поэтому раскрытие психологических механизмов восприятия «переписывания истории» защищает не только отдельного человека от манипуляции его мировоззрением, но и национально-культурное и духовно-нравственное наследие страны, в частности, «исторической России», от многовековой против нее агрессии, русофобии, информационно-психологической войны. Формой последней стало использование истории в

геополитике, превращение её в «историко-политическое оружие». Поскольку же «переписывание истории» — средство достижения политических целей, изучение восприятия исторических фальсификаций должно входить в тематику политической психологии. Вместе с исторической и социальной психологией она призвана осмыслять искажения образов истории информационно-психологической войной.

2. К вопросам фальсификации русской истории следует подходить с позиции национальной безопасности. Даже ослабленная Россия — препятствие на пути однополярного мироустройства. Потребность в новой концепции Второй мировой, основанной на признании равной ответственности СССР и Германии, тождества сталинизма и нацизма, появилась неслучайно. Показательно, что фильмы типа «Штрафбат» вышли в прокат на 60-летие Победы. В этот же год на Западе стали активно работать над международным осуждением коммунистических режимов. В СНГ политико-психологический аспект реализуется в создании образа России-оккупанта и многовековой национально-освободительной борьбы против неё (особенно это касается стран Балтии). Поэтому необходимо изучать особенности формирования более целостной системы представлений людей о Первой и Второй мировых войнах. Относительно последней, в частности, включать образы всех участников предвоенного, военного и послевоенного периодов, показывать роль Запада (например, Мюнхенский стовор) и «транснационального закулисья» в организации войны.

3. Значимый аспект проблемы – особенности отношения к фальсификации истории у различных групп российского общества. Например, представителям прозападной элиты конфликт из-за трактовки истории вряд ли нужен; они опираются на западные версии вполне добровольно. Но позиция «державно ориентированной элиты» кажется странной: она также говорит про «европейские ценности», забывая, что Русь вставала насмерть против экспансии Запада. Следует осмыслять и причины нежелания историков, политиков,

представителей других общественных наук и простых людей видеть за историческими разночтениями политический аспект. Борьба с искажениями исторической памяти наталкивается на особо выраженную сегодня проблему отсутствия общего мировоззренческого языка у нескольких поколений. И эти нестыковки образов истории нужно изучать, чтобы выделять главные из них, насыщать информацией, работая на «раззомбирование исторического сознания».

4. Исследователь исторической памяти должен знать, что обоснование «нового исторического знания» опирается на факты, интерпретируемые (умышленно или непроизвольно) в интересах «переписчика истории». Но факты могут измышляться (например, подделываются документы), искажаться (подбором источников, редактированием цитат), подбираться и произвольно трактоваться. Различные виды фальсификации истории можно почувствовать при сопоставлении оценок тех или иных событий, данных в различные периоды прошлого.

5. Возможность разных толкований исторических событий не устраняет значение фактологии для образов исторической памяти. Например, негативную оценку исторических деятелей, неприемлемых для современного «толерантного политического сознания» (например, Иоанн Грозный, Сталин), следует уравновесить безоценочными указаниями на их заслуги перед страной. «Чистая фактология» будет работать и на уровне исторических стереотипов. Образ декабристов, изображающий их «великими сынами земли русской» должен содержать сведения и о том, что они нарушили клятву верности государству и убили пришедшего на переговоры человека (что во все времена считалось подлостью!). В борьбе с насаждаемым комплексом вины за отечественную историю полезны параллели с Европой (во времена Ивана Грозного в Европе было пролито больше крови; уничтожение в США 80% индейцев полезно сопоставить с ростом коренного населения Сибири).

6. «Болезненные страницы» отечественной истории следует раскрывать без замалчиваний. Необходимы максимально объективные, самокритичные образы исторической памяти. Так, традиционно отрицательный образ России в мире питается сегодня не только инерцией русофобии, но и противоречивыми оценками в самой России советского периода (тотальное очернение v.s. идеализация). Нахождение «реалистичной середины» в представлениях людей должно вырабатываться отечественным взглядом, с одной стороны, допускающим принятие «исторического негатива», а с другой, предполагающим, что уступка предвзятым западным представлениям работает на «добивание неправильной России». Поэтому даже архивные материалы не снимают проблему интерпретаций по инерции социальных стереотипов/установок. Например, при «открытии белых пятен» носитель либерального сознания даст иное толкование любого из них по сравнению со сторонником традиционной государственности.

7. Особая тема в раскрытии представлений людей о переписывании истории – «фоменко-носовщина» – абсурдная картина мировой истории с оскорбительной интерпретацией истории России. В появлении новой хронологии, «укравшей» 1000 лет мировой истории, мы видим переплетение личных амбиций, научных заблуждений, геополитики, идеологии, коммерческий проект. Интересно понять, почему люди покупаются на подобное «историческое знание».

8. Важнейшая и при этом наиболее психологичная тема – фальсификация под маркой «альтернативной истории». Речь идет о создании образа прошлого в художественной литературе, фильмах и пр. как «исторической фантазии», версии и т.п. Художественный продукт дает оценку, часто противоположную данным исторической науки. И это влияет на конкретную личность. «Исторические фантазии», конечно, могут помочь понять, например, мотивы исторических деятелей, оценить упущенное (школа «Анналов»), но подобные образы не перестают быть «историко-психологическим оружием». В связи с

темой «альтернативной истории», отметим проблему достоверности «свидетельств очевидцев исторических событий». Ведь о военных событиях чаще пишут не их участники (они гибнут); «очевидцы» же могут заниматься самооправданием.

9. Изучение «переписывания истории» с позиций политической и исторической психологии должно быть сфокусировано относительно периодов Российской истории (например, дореволюционных периодов, обеих революций в России в XX в., Великой Отечественной войны и пр.). При этом должно прослеживаться взаимодействие образов исторической памяти в системе субъективно целостного исторического сознания конкретного человека. Особое место должна занимать объективная реконструкция ее славных страниц.